

УДК 8.82.111.85

EDN EQFEKY

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-134-140>

Н. Н. Страхов, А. А. Фет и А. Шопенгауэр (к проблеме осмысления религиозных и философских оснований эстетики)

А. В. Тоичкина✉¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Для цитирования:

Тоичкина, А. В.
(2022) Н. Н. Страхов,
А. А. Фет и А. Шопенгауэр
(к проблеме осмысления
религиозных и философских
оснований эстетики). *Журнал
интегративных исследований
культуры*, т. 4, № 2, с. 134–140.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-134-140>
EDN EQFEKY

Получена 18 мая 2022; прошла
рецензирование 1 сентября 2022;
принята 1 сентября 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © А. В. Тоичкина (2022).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения философского и религиозного начал в эстетических воззрениях Н. Н. Страхова и А. А. Фета. Актуальность исследования предопределена тем, что религиозные основания эстетических воззрений Страхова мало изучены. В работе исследуется вопрос о значении трудов А. Шопенгауэра для религиозных, философских и эстетических воззрений философа и поэта. По теме «Фет и Шопенгауэр» существует значительный круг исследований. Но вопрос о значении трудов Шопенгауэра для религиозных и эстетических взглядов Страхова практически не исследован. Задачей статьи является разработка данной проблемы. Страхов был не только поклонником философии Шопенгауэра. Именно он инициировал переводы самых известных трудов немецкого философа, которые и осуществил Фет. Фет, при помощи Страхова, перевел такие сочинения Шопенгауэра, как «Мир как воля и представление» (1881), «О четвертом корне закона достаточного основания» и «О воле в природе» (опубликованы одной книгой в 1886 г.). Переписка Фета и Страхова 1870–1880-х гг. позволяет заглянуть в творческую лабораторию авторов, рассмотреть круг их предпочтений и самоопределений в отношении к философии Шопенгауэра. В переписке отразилось мучительное расхождение Фета во взглядах с Л. Н. Толстым. И поэт вынужден был сформулировать свое понимание философии, религии и эстетики. Фет был близок Страхову своими эстетическими предпочтениями, а Толстой — религиозными откровениями. В своих возражениях Фету, поправках к переводам, «Предисловии» к изданию трактата «Мир как воля и представление» Шопенгауэра Страхов выразил свое понимание основ философии, религии и эстетики. В этом аспекте в статье и рассматривается вопрос о соотношении религиозных и философских начал в понимании эстетики у Страхова и Фета. Исследование показало, что религиозно-философская концепция эстетики у Страхова (в отличие от Фета и Толстого) строилась на гармоничном сочетании этических и собственно эстетических начал.

Ключевые слова: Страхов, Фет, Шопенгауэр, религия, эстетика, философия

N. N. Strakhov, A. A. Fet and A. Schopenhauer: More on understanding religious and philosophical foundations of aesthetics

A. V. Toichkina ¹

¹ Saint Petersburg State University, 7–9 University Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

For citation:

Toichkina, A. V. (2022) N. N. Strakhov, A. A. Fet and A. Schopenhauer: More on understanding religious and philosophical foundations of aesthetics. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 4, no. 2, pp. 134–140. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2022-4-2-134-140> EDN EQFEKY

Received 18 May 2022;
reviewed 1 September 2022;
accepted 1 September 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. V. Toichkina (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article investigates the relationship between philosophical and religious principles of N. Strakhov's and A. Fet's aesthetics. Religious foundations of Strakhov's aesthetic views remain understudied, which makes the reported research relevant. The article explores the relevance of Schopenhauer's writings for religious, philosophical and aesthetic views of Fet as a philosopher and a poet. Strakhov did not only admire Schopenhauer's philosophy. It was he who initiated the translation of his major works to Russian. Assisted by Strakhov, Fet translated *The World as Will and Representation* (1881), *On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason*, and *On the Will in Nature* (published as a single book in 1886). The analysis of the 1870s-1880s correspondence between Fet and Strakhov provides insights into the authors' creative process as well as their preferences and identity in relation to Schopenhauer's philosophy. Fet was close to Strakhov in his aesthetics preferences, while his religious revelations were in line with Tolstoy. In his objections to Fet, amendments to the translations and the Preface to the treatise *The World as Will and Representation*, Strakhov expressed his understanding of the foundations of philosophy, religion and aesthetics. In this aspect, the article discusses the relationship between religious and philosophical principles in Strakhov's and Fet's aesthetics. The study showed that Strakhov's religious and philosophical concept of aesthetics (unlike that of Fet and Tolstoy) was based on the happy marriage of ethical and aesthetic principles *per se*.

Keywords: Strakhov, Fet, Schopenhauer, religion, philosophy, aesthetics

Н. Н. Страхов и А. А. Фет познакомились в 1876 году у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. До конца жизни их связывала тесная дружба. Да и после смерти Фета в 1892 г. Страхов не забывал про него. Именно он издал первое посмертное собрание стихотворений поэта, выстроив его по образцу издания 1850 года, составленного его учителем Ап. Григорьевым. И для Страхова, и для Фета важной проблемой являлось соотношение философии, религии и искусства¹. Это соотношение было особенно важным для их понимания эстетики. Так, поэзия Фета по своей эстетической природе не поддается собственно философскому анализу, как не поддается строгой систематизации корпус его сочинений, требуя от издателей разработки особого подхода. Философия оперирует логикой, анализом, понятиями, системой, а поэзия Фета полна впечатлениями, мгновенными переживаниями, сугубо поэтическими образами. Это принципиально разные системы координат. Но это не значит, что у Фета нет в поэзии мыслей. Поэтическое мышление Фета по своей

природе отлично от собственно философского мышления, но, безусловно, пропитано «вечными истинами», глубоко философично по своей сути.

Не менее трудной является задача исследования религиозных оснований лирики Фета. Как писала Л. М. Розенблюм, «не следует, видимо, стремиться к какому-то четкому, окончательному определению религиозного мировоззрения Фета, опровергая безосновательную характеристику его как атеиста. В действительности все было значительно сложнее. <...> Фет был человеком своего века со своим «мятущимся сознанием», в счастливые творческие минуты ощущавший силу «небесного притяжения» («И верю сердцем...».)» (Розенблюм 2008, 41).

Задача описания философских и религиозных оснований эстетических воззрений Страхова оказывается не менее, если даже не более сложной задачей. И это несмотря на то, что еще первый биограф философа Б. В. Никольский в своем известном посмертном очерке «Николай Николаевич Страхов: Критико-биографический очерк» (СПб., 1896 г.) писал о том, что Страхов был «эстетиком»: «эстетичность — вот основная черта, коренная сущность мировоззрения

¹ Сам Фет осмыслял эту проблему в статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» (Калинников 2013, 42–43)

Страхова» (Никольский 1896, 15). Отношение Страхова и Фета к поэзии, к искусству было схожим. Они оба верили в эстетику и преобразующую силу красоты, которая может «спасти мир» и очистить, а по замечанию Ф. М. Достоевского, даже «воскресить павшего человека». Эта общность в понимании задач эстетики позволяет нам рассматривать проблему основ эстетики Страхова в контексте исканий и самоопределений Фета.

Конечно, мы не избежим вопроса об эволюции представлений. Так, Фет второй половины 1870–1880-х гг. не равен Фету 1840-х гг. Эпоха позднего Фета периода «Вечерних огней», дружбы со Страховым, переводов «Фауста» Гете и «Мира как воли и представления» Шопенгауэра характеризуется насыщенностью поэзии религиозно-философским содержанием. Хотя принципы поэтики остаются те же, и усложненное содержание передается поэтическими средствами как переживание лирического героя. Так, в стихотворении «Смерти», о котором Страхов писал в письме к Фету от 18 марта 1884 года «А как хороши Ваши стихи “Ко смерти”! Вот философский поворот мысли!» (Динесман 2011, 371), смерть предстает не как философская идея, а как чувство-мысль — переживание, которое персонифицируется в образе:

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где муки всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель.

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, куда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Ещё ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты.
Покуда я дышу, ты мысль моя — не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты
(Фет 1971, 205) (Тоичкина 2021, 67).

В конце 1870-х годов, с подачи Страхова, Фет обращается к переводам трудов А. Шопенгауэра. Фет хотел переводить Канта, но Страхов отговорил, сославшись, с одной стороны, на уже существующие русские переводы его сочинений, с другой — на скептицизм Канта: «<...> Кант <...> есть вопрос без ответа, сомнение без разрешения» (письмо Страхова Фету от 27 января 1878 г.) (Динесман 2011, 248). И Фет принимается за первый перевод на русский язык основного трактата Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Философия Шопенгауэра оказыва-

ется в центре обсуждения в оживленной переписке Страхова и Фета этого времени. Эта тема органично вписалась в контекст назревшего кризиса в отношениях Фета и Толстого, связанного с различиями в религиозных путях обоих писателей и обострения неразрывно связанной с религиозными поисками дискуссии об эстетике. Проясняя в диалоге термины из трудов немецкого философа, Страхов и Фет определялись с главными мировоззренческими основаниями своих взглядов, понимания Бога, истины, добра и, конечно же, красоты. Как пишет Н. П. Генералова, «Вклад Страхова в этот перевод был очень значителен. Вопреки расхожему представлению о том, что совет перевести главный труд Шопенгауэра был дан Фету Толстым, именно Страхов рекомендовал ему заняться Шопенгауэром, в то время как сам Фет первоначально намеревался перевести “Критику чистого разума” Канта. Немало писем обоим корреспондентам было посвящено тонкостям перевода, поискам философских терминов, которых не было в русском языке, обсуждению наиболее острых философских проблем. Страхов имел богатый опыт перевода на русский язык философских произведений, и его советы были для Фета неоценимы. Наконец, он не только держал корректуру, но по выходе книги в свет занимался ее распространением. В результате весь этот труд занял у автора перевода и у его добровольного помощника около двух лет (1879–1880). Недаром свой второй перевод из Шопенгауэра Фет посвятил Страхову, причем текст этого посвящения доверил написать самому Николаю Николаевичу» (Генералова 2011, 235).

Перевод Фета «Мира» Шопенгауэра вышел в конце 1880 г. (на титуле Страхов поставил 1881 г.). Предисловие написал сам Страхов. Здесь он останавливается на принципиальных вопросах, которые возникли в их с Фетом обсуждении перевода этого трактата. В частности, Страхов пишет о важных с его точки зрения нюансах перевода философских понятий: «Слово Vernunft переводилось, как и обыкновенно, словом разум; но слово Verstand везде переведено словом ум, а не рассудок, по той причине, что у Шопенгауэра под Verstand разумеется не исключительно способность понятий, как у Канта, а некоторая более обширная способность, в определенном отношении соответствующая кантовской чувственности (Sinnlichkeit), соединенной с кантовским рассудком (Verstand); такую способность прилично, кажется, обозначить общим именем ума» (Страхов 1898, VI).

Далее Страхов высказывает свое понимание задачи перевода. Он писал об этом Фету: «Соблюдение течения мыслей подлинника есть первое условие, а то читателя кидает и подбрасывает из стороны в сторону, и все впечатление рушится» (Динесман 2011, 327). А в «Предисловии» Страхов указывает на специфику проблемы перевода философских трудов Шопенгауэра: «Можно вообще ручаться, что смысл подлинника передан точно, и течение и сила мыслей его вполне сохранены; но другое дело — та удивительная ясность, живость и блеск речи, которыми отличается Шопенгауэр и которые часто неотделимы от его орудия, немецкого языка» (Страхов 1898, VI). Страхов характеризует Шопенгауэра как одного из «первых писателей и по своей форме и по содержанию». Для критика и философа эта характеристика обозначает синтез этического и эстетического. Этического (нравственного содержания) и эстетического (стиля высказывания автора). Как пишет Н. В. Снетова, Страхов в трудах немецкого философа уловил новое направление в развитии европейской философии: «эстетизацию философского мировоззрения, его сближение с искусством» (Снетова 2013, 54).

Нравственное содержание, по Страхову, у Шопенгауэра связано с его пониманием философии, в частности, с трактовкой понятия воли: «Он исповедовал, что воля, нравственная сторона человека, имеет и должна иметь первенство над умственной стороной и что само наше познание не имеет какой-то самостоятельности, а черпает всю силу из созерцания, из непосредственного отношения к действительности» (Страхов 1888, VI). Такое понимание воли как нравственной силы, которой подчинен разум, как утверждает Страхов, противостоит рационализму и субъективизму западноевропейской философии. Воздействие на читателя проникнутого чувством и правдой труда, вне зависимости от принятия собственно философской системы автора, Страхов связывает именно с нравственным содержанием трактата Шопенгауэра. Для Страхова (как и для Фета) чрезвычайно важна идея Шопенгауэра о подчинении познания непосредственному созерцанию действительности, что и является залогом объективности подхода.

Предисловие Страхова очень интересно с точки зрения его религиозного и философского восприятия немецкого автора. В частности, необходимо отметить позитивную оценку философии Шопенгауэра, которую по большей части обвиняли в глубочайшем пессимизме и субъективизме. В оценке трактата Страхов опосредо-

ванно излагает и свое понимание идеала философского труда: каждое теоретическое начало у немецкого философа берется «в его глубочайшем значении, в связи с самым корнем жизни» и «таким образом он достиг своего “метафизического открытия”, что мы стоим лицом к лицу с сущностью вещей и что эта сущность — воля; так он превосходно разъяснил существенный прием и жизненное значение художественного творчества, так он постоянно идет и наконец восходит до высшего человеческого интереса, до понимания религии» (Страхов 1898, VII). Страхов предлагает свое объяснение пессимизма Шопенгауэра (и это объяснение близко Фету). По мысли Страхова, пессимизм Шопенгауэра «имеет настоящий религиозный характер». «Религиозный характер» связан с пониманием проблемы зла: «зло нравственное для него несравненно важнее зла физического; он достигает до самого корня этого зла, эгоизма, и последовательно приходит к своему чистому идеалу, отрицанию эгоизма, отсечению эгоистической воли». Кроме того, Страхов видит религиозный характер философии Шопенгауэра в указании «на чистые религиозные элементы в индийских религиях, браминизме и буддизме»² (Страхов 1898, VII). В плане критики Страхов указывает на односторонность взгляда Шопенгауэра на жизнь рода человеческого. Но и в этой односторонности он прозревает религиозный смысл. Трактовка Страховым философии Шопенгауэра, его понимание проблемы воли, определение религии как пессимизма содержали определенные противоречия, на которые Страхову указывали современники.

Но и сам он размышлял над этими противоречиями. Так, в 1870-е гг. Страхов обращался к проблеме воли в контексте своих исследований по психологии. В это время он работал над очерками по психологии и физиологии. После отдельных публикаций очерки вышли в одной книге под названием «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886). В очерке «Об основных понятиях психологии» Страхов посвящает понятию воли отдельную главку. В этой главке Страхов утверждает свое понимание воли как возможности выбора действия, или воздержания от него. Он и здесь вспоминает Шопенгауэра и приводит цитату из работы философа «Две основные проблемы этики». Но ему все-таки приходится состыковывать свое понимание свободы воли и Шопенгауэра: «Невозможно, говорит Шопенгауэр, чтобы какое

² Вопрос об отношении Страхова к буддизму требует отдельного рассмотрения.

бы то ни было действие не было вполне определено его условиями; следовательно, нет произвольных действий. Объективно это совершенно несомненно. Но в некоторых действиях одно из условий есть *мое произволение*, а это соизволение я лишь совершенно неправильно могу признать за что-то объективное и поставить в один ряд с другими условиями. Объективировать его я имею столь же мало права и возможности, как объективировать познание или чувство» (Страхов 1886, 84). Потом, в письме от 21 августа 1885 г., Страхов сам объяснял Фету противоречие в определении воли у Шопенгауэра и Канта: «Они положили границу для разума, не внутреннюю, а какую-то внешнюю; поэтому им и мечтается, что ее можно обойти, и сама сущность, Ding an sich <вещь в себе>, может через нее прорваться» (Динесман 2011, 401).

Неоднозначными оказались и отклики на «Предисловие» Страхова к изданию «Мира как воли и представления» в переводе Фета. В частности, в рецензии Н. К. Михайловского в «Отечественных записках» (№1 за 1881 г.) критик бранил предисловие и хвалил перевод (что позабавило Страхова). Михайловский упрекал Страхова в славянофильской интерпретации философии «мрачного покойника» (Динесман 2011, 329–330). Толстой, прочтя «Предисловие» Страхова, писал ему в письме от 29–30 октября 1880 г.: «<...> не согласен, что пессимизм есть основная черта религиозного настроения» (Переписка 1914, 265). Так по-разному осмыслили философию Шопенгауэра в русской культуре этого времени: Толстой в 1870-е гг. уходил в свои религиозные поиски и открытия. Новое учение оказывалось неприемлемо для Фета из-за доминирования этического над эстетическим началом: поэту было близко понимание Бога у Шопенгауэра, но не новое учение Толстого. И болезненность реакции Фета на учительство Толстого во многом была связана с вопросом об искусстве. Толстой, по словам Фета, «убил» своим «высоким христианством» «свой исключительно высокий талант, обозвав его греховным наваждением». «Зачем зарезал свой талант? Он исключительно теперь зарезал — с этой нигилистической подкладкой возможны лишь мистические галлюцинации, но не серьезные уравновешенные труды божески спокойного гения эпоса. Жизнь, все-таки жизнь — всё — universonum, а христианство, отрицание — есть высокий идеал, компенсатор, в машинах регулятор, отрицающий движение двигателя. <...> жизни я отрицать не стану, я слишком люблю прекрасную природу; но смерти, небытия

не боюсь. Хоть сейчас, ибо знаю, что я не более как явление и что время у меня в мозгу, с потуханием которого тухнет время» (Динесман 2011, 303–304). Страхов же продолжает «сводить концы с концами», преклоняясь перед духовными откровениями Толстого и, одновременно, восхищаясь поэтическими созданиями Фета. И это тоже связано со спецификой восприятия эстетики, различным пониманием соотношения основных понятий: красоты и блага.

Фет не остановился на переводе «Мира» и в конце 1885 г. (на титуле стоит 1886) вышла вторая книга его переводов сочинений Шопенгауэра «О четвертом корне закона достаточного основания». Фет хотел написать посвящение Страхову и прислал ему два варианта текста. «За это посвящение прежде всего кланяюсь Вам с великой благодарностью, — писал в ответ Страхов, — Очень долго я разбирал Ваши два проекта и решился, простите! Предложить Вам свой. Марал, марал и, наконец, составил то, что Вы найдете здесь на отдельном листочке. Кажется, канва, по крайней мере готова» (Динесман 2011, 401). Эта «канва» и была опубликована в издании. Завершающий пассаж звучал так: «Часто и горячо мы с Вами спорили, но не всегда разноречили и вместе радовались свежему дыханию единой мировой мысли. Пусть эта книжка напоминает Вам наши беседы» (Шопенгауэр 1886).

Фету до конца дней останется близка концепция эстетики Шопенгауэра. Как пишет Л. А. Калинин, «Эстетика была в системе Шопенгауэра единственным средством освобождения от неусыпного гнета воли, от ее неустанного, бередящего душу действия. Красота оказывалась единственной противодействующей воле силой, переводящей душу в совершенно особое умиротворяющее состояние, не свойственное ни миру воли, ни миру природной причинности, дающемуся нашими представлениями, — состояния абсолютного покоя, нирваны» (Калинин 2013, 47). Фет видит и религиозный, и философский смысл жизни в искусстве, а не в этике: «Ни я, ни Шопенгауэр не безбожники, не атеисты. <...> чувства Бога и не-Бога ничего не имеют общего с этикой, характером, что мир есть собственно себя носящая воля (вседержитель). Это тот всё озаряющий, разрешенный «х»= и тут граница человеческого разума. Что есть Бог, это я знаю непосредственно, т. е. чувствую, так как иного непосредственного знания нет. Но как прицеплен Бог к этому миру (Вишну), Шопенгауэр, как умница, не знает. А если я без молотка пойду ковать лошадь — дайте мне, пожалуйста,

дураку — тумака» (Динесман 2011, 301). Для Фета «настоящее искусство есть *настоящий* проповедник и моралист» (Динесман 2011, 488). «Правдивость» и «жизненность» — вот критерии истинного искусства. Именно в поэзии мир текущих явлений обретает бессмертие. Но для поэта мир идеалов и действительности — принципиально разные миры: «Величайшее зло состоит в том, что люди смешивают совершенно законный мир идеалов с совершенно законным миром действительности, где один решитель и оправдатель — опыт» (Динесман 2011, 278–279).

У Стрехова не было противоречия между эстетикой и этикой, красотой и добром. Теория блага Толстого не вызывала у него, в отличие от Фета, возражений. Для него красота была нравственна в своей сути, и его эстетические воззрения носили вероисповедательный характер. Искусство — это приобщение к вечности, явление религиозной жизни души. И, обращаясь

к стихотворениям Фета «Если радует утро тебя» и «Поэтам», Стрехов искренне восхищался тем, «что у поэтов все принимает форму вечности, облекается в вечность» (Никольский 1901, LII). В критических заметках о поэзии Фета он писал, что с поэзией мы поднимаемся «в какую-то сферу, где все прекрасно, и страдание, и радость, где ничтожен всякий наш личный интерес, а царствуют лишь вечные, божественные образы истинно-человеческих чувств и стремлений» (Никольский 1901, LV).

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Генералова, Н. П. (2011) Переписка с Н. Н. Стреховым (1877–1892). В кн.: *А. А. Фет и его литературное окружение. Т. 2*. М.: ИМЛИ РАН, с. 233–244.
- Динесман, Т. Г. (ред.). (2011) *А. А. Фет и его литературное окружение. Т. 2*. М.: ИМЛИ РАН, 1037 с.
- Калинников, Л. А. (2013) А. Шопенгауэр и И. Кант в философско-поэтическом мировоззрении А. А. Фета. Рецепции философии Канта. *Кантовский сборник*, № 4, с.42–63.
- Никольский, Б. В. (1896) *Николай Николаевич Стрехов: Критико-биографический очерк*. СПб.: Типография А. С. Суворина, 57 с.
- Никольский, Б. В. (ред.). (1901) *Полное собрание стихотворений А. А. Фета. Т. 1*. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 496 с.
- Розенблюм, Л. М. (2008) А. Фет и эстетика «чистого искусства». В кн.: *А. А. Фет и его литературное окружение. Т. 1*. М.: ИМЛИ РАН, с. 9–54.
- Снетова, Н. В. (2013) *Николай Стрехов: западная и русская философская мысль в интерпретации органициста*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 163 с.
- Стрехов, Н. Н. (1886) *Об основных понятиях психологии и физиологии*. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 317 с.
- Стрехов, Н. Н. (1898) Предисловие к переводу. В кн.: А. Шопенгауэр *Мир как воля и представление*. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, с. V–IX.
- Тоичкина, А. В. (2021) Н. Н. Стрехов о поэзии А. А. Фета (к проблеме осмысления русской философией религиозных оснований литературы). *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, т. 7, № 1, с. 63–71. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-6>
- Фет, А. А. (1971) *Вечерние огни*. М.: Наука, 798 с.
- Шопенгауэр, А. (1886) *О четвертом корне закона достаточного основания. Философское рассуждение Артура Шопенгауэра*. М.: Типография А. И. Мамонтова, 133 с.

References

- Dinesman, T. G. (ed.). (2011) *A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. T. 2* [A. A. Fet and his literary environment. Vol. 2]. Moscow: IWL RAS Publ., 1037 p. (In Russian)
- Fet, A. A. (1971). *Vechernie ogni* [Evening lights]. Moscow: Nauka Publ., 798 p. (In Russian)
- Generalova, N. P. (2011) *Perepiska s N. N. Strakhovym (1877–1892)* [Correspondence with Strakhov (1877–1892)]. In.: *A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. T. 2* [A. A. Fet and his literary environment. Vol. 2]. Moscow: IWL RAS Publ., pp. 233–244. (In Russian)
- Kalinnikov, L. A. (2013) *A. Shopengauer i I. Kant v filosofsko-poeticheskom mirovozzrenii A. A. Feta. Retseptsii filosofii Kanta* [A. Schopenhauer and I. Kant in the philosophical and poetic worldview of A. Fet. Reception of Kant's philosophy]. *Kantovskij sbornik*, no. 4, pp.42–63. (In Russian)

- Nicol'skij, B. V. (1896) *Nikolaj Nikolaevich Strakhov: kritiko-biograficheskij ocherk* [Nikolaj Nikolaevich Strakhov: *Critical-biographical sketch*]. Saint Petersburg: A. S. Suvorina Publ., 57 p. (In Russian)
- Nicol'skij, B. V. (ed.). (1901) *Polnoe sobranie stikhotvorenij A. A. Feta. T. 1* [Complete collection of Fet's poems. Vol. 1]. Saint-Petersburg: A. F. Marks Publ., 496 p. (In Russian)
- Rosenblum, L. M. (2008) A. Fet i estetika "chistogo iskusstva" [Fet and the aesthetics of pure art]. In: A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie. T. 1. [A. A. Fet and his literary environment. Vol. 1]. Moscow: IWL RAS Publ., pp. 9–54. (In Russian)
- Schopenhauer, A. (1886) *O chetvertom korne zakona dostatochnogo osnovaniya. Filosofskoe rassuzhdenie Artura Shopengauera* [About the fourth root of the law of sufficient reason. Philosophical reasoning of Arthur Schopenhauer]. Moscow: A. I. Mamontova Publ., 133 p. (In Russian)
- Snetova, N. V. (2013) *Nikolaj Strakhov: zapadnaya i russkaya filosofskaya mysl' v interpretatsii organistsista* [Nikolaj Strakhov: Western and Russian philosophical thought in the interpretation of an organist]. Perm: Perm State University Publ., 163 p. (In Russian)
- Strakhov, N. N. (1898) Predislovie k perevodu [Preface to translation]. In: A. Schopenhauer *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. Saint Petersburg: A. F. Marks Publ., p. V–IX. (In Russian)
- Strakhov, N. N. (1886) *Ob osnovnykh ponyatiyakh psikhologii i fiziologii* [About the basic concepts of psychology and physiology]. Saint-Petersburg: brat'ya Pantelevy Publ., 317 p. (In Russian)
- Toichkina, A. V. (2021) N. N. Strakhov o poezii A. A. Feta (k probleme osmysleniya russkoj filosofiej religioznykh osnovanij literatury) [Nikolaj Strakhov's notes about Afanasy Fet's poetry (To the problem of understanding by Russian philosophy of the religious foundation of Russian literature)]. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya — Research Result. Social Studies and Humanities*, vol. 7, no. 1, pp. 63–71. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2021-7-1-0-6>

Сведения об авторе

Александра Витальевна Тоичкина

SPIN-код: 9205-3229, ResearcherID: D-1869-2016, ORCID: 0000-0002-3723-1553, e-mail: a.toichkina@spbu.ru

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Author

Alexandra V. Toichkina

SPIN: 9205-3229, ResearcherID: D-1869-2016, ORCID: 0000-0002-3723-1553, e-mail: a.toichkina@spbu.ru

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, St. Petersburg State University